

В.И.Шамшурин

ТРАДИЦИЯ "КАРДИОГНОЗИСА" В РУССКОЙ КУЛЬТУРЕ

Шамшурин Виктор Иванович — кандидат философских наук, старший научный сотрудник Института социологии РАН.

"И быть всегда [будет]
важнее и больше, чем знать".
Преп. Максим Исповедник

"Блаженны нищие духом (Матф. 5.3),
— не бедные имуществом,
но избравшие нищету от сердца"
Св. Василий Великий

Истинная история не прямолинейна, она — поддерживаемое поколениями постоянство в обычаях, нравах, явлениях массового сознания, в особенностях языка, как обыденного (политика, фольклор), так и возвышенного (высокое искусство, философия, религия). Эти особенности присущи тем или иным объединениям людей от самых малых до самых больших, что, собственно, и позволяет судить о нациях и государствах. Рассмотрение истории "длящихся традиций" — задача плодотворнейшая, поскольку анализ состоявшихся решений не только полезен, но и поучителен. Усваивается главнейший урок истории — человеческое знание, чтобы быть успешным (в быту, экономике, государственном управлении), должно быть пытливым, взыскующим, творческим. Должно осознавать свой вспомогательный, предварительный и Предваряющий характер, освященный какой-либо целью. Особенно, на мой взгляд, это справедливо при рассмотрении важнейших этапов русской философской мысли.

"Думая сегодня о будущем страны, — совершенно справедливо утверждает В.В.Сербиненко, — о будущем отечественной культуры, мы, чтобы реально представить возможные перспективы развития, особенно нуждаемся в ясном понимании духовного прошлого России того "слова", которое уже прозвучало в ее истории" [1, с.3]. Утверждая это бесспорное положение, автор делает весьма существенное уточнение: "Если древнерусская культура и не обладала последовательным развитием и вполне самобытным философским умозрением, то, во всяком случае, душа культуры нашла выражение в "умозрении в красках" (определение Е.Н.Трубецкого), в творчестве замечательных русских иконописцев, а также в архитектуре и иных формах культурного творчества" [2, с.4].

Но давайте зададимся вопросом: а какие краски наиболее характерны для раскрытия сути и глубинных оснований русской философии, русской культуры? Например, краски, божественный цвет которых в нашей иконописи носит специфическое название "ассист". Это, по определению замечательного философа, правоведа и искусствоведа кн. Е.Н.Трубецкого: "Как бы эфирная, воздушная паутинка гонких золотых лучей, исходящих от Божества и блистанием своим озаряющих все окружающее. Когда мы видим в конце ассист, им всегда предполагается и как бы указывается Божество, как его источник. Но в озарении Божьего света нередко прославляется ассистом и его окружение — то из окружающего, что уже вошло в божественную жизнь и представляется ей непосредственно близким" [3, с.47,48]. Так, ассистом покрываются сверкающие ризы Софии, Премудрости Божией и ризы возносящейся к небу Богоматери (после Успения). Ассистом нередко искрятся ангельские крылья. Он же во многих иконах золотит

верхушки райских деревьев, иногда — луковичные главы церквей. Благодаря эфирной легкости этих лучей, они, по красочному (опять-таки!) выражению кн. Е.Н.Трубецкого, имеют вид живого, горящего и как бы движущегося света. Искрятся ризы Христа, сверкают огнем облачения и престол Софии — Премудрости, горят церковные главы. "И именно этим сверканием и горением потусторонняя слава отделяется от всего неправославного, здешнего. Наш здешний мир только взыскует горнего, подражает пламени, но действительно озаряется им лишь на той предельной высоте, которой достигают только вершины церковной жизни. Дрожание эфирного золота сообщает и этим вершинам вид потустороннего блистания" [3, с. 48].

А может, следует говорить о типографской краске суетной и лукавой мудрости "мира сего", согласно которой истинно только то, что "здесь и теперь"? "Мудрости", услышанной преп. Сергием Радонежским от "стада бесчисленна" страж бесовских: "уйди, уйди из места сего. Чего ищешь в этой пустыне? Ужели ты не боишься умереть с голоду, либо от зверей или от разбойников-душегубцев?", — в ответ на ненаблюдаемый внешним взором, а только внутренними очами "умный свет" его проповеди? "Да не будет!" — говорили отцы восточнохристианской православной традиции.

Традиции православной духовности — животворный и животворящий источник русской культуры, когда речь идет о ее взлетах. Мы должны наконец понять, что Россия относится к тем державам, где до сих пор, несмотря ни на что, в наибольшей степени сохраняются национальные традиции, обычаи, нравы, религиозная вера, язык, являющийся духовно-историческим опытом нации. Мы, как никто другой, "обречены" на обусловленность собственной культурой. Будь то занятие бизнесом с его, по словам современных западных экономистов и политологов, "беспрецедентным, нигде не встречающимся, но всегда эмоционально-личностным, то излишне доверчивым, то крайне подозрительным осуществлением"; или доморощенная рок-музыка, так и не вышедшая на Запад и в Америку по одной простой причине. Она, по сути, таковой и не является (несмотря на обилие электроники), так как не соответствует музыкальному размеру четыре четверти классического рок-н-ролла (поэтому и не воспринимается). Здесь одночастная, реже двухчастная мелодия, заимствованная из плясовых песен, частушек. А то, что у нас называется хард-рок-блюзом, на самом деле — классический русский романс, в котором, как известно, основное значение имеет не аккомпанемент (при всех его достоинствах), а вокал в виде речевого монолога-исповедания.

Именно традиционная культура, имеющая высокий потенциал самосохранения, проявившаяся в решающих для народа политических событиях, могла помочь (и помогает) выдержать множество экспериментов властей (продолжающихся, к сожалению, до сих пор), нашествий, войн, революций, реформ, которые сопровождаются разрушениями, способствовала национальному возрождению и самовозрождению Киевской, Московской Руси, Петербургской, Советской и, будем надеяться, современной России на устойчивой основе ценностей русского православия. Отрицать это можно только с позиции ребенка, кусающего и отталкивающего питающие его сосцы терпеливой и любящей матери. Но сказано: "Не ищущай..."

Глубинные процессы в русской философии и культуре шли и даже во многом наиболее точно и последовательно выражались такими мыслителями, как св.Федосий Печерский с его концепцией "богоугодного властелина", как инок Печерского монастыря Нестор Летописец. Известно, что его редакция "Повести временных лет" имеет совершенно уникальное для русской культуры значение. С одной стороны, приводится философия истории и человечества вообще, и России в частности, с позиции традиционной христианской историософии — противоборства добра и зла. "Присутствует в сочинениях Нестора и идея единства Руси на основе религиозной правды"[2, с.6]. Но этим, на мой взгляд, дело не ограничивается. По свидетельству немецкого ученого И.Ф.Г.Эверса, мнение которого трудно назвать пристрастным, так как он во многом разделял "норманскую" концепцию Байера, Шлецера, Карамзина, Миллера, "Русская

Правда" Ярослава Мудрого, сохраненная и переданная нам "Повестью", "есть самый древнейший законодательный памятник, каким только могут похвастаться новейшие народы. Ни один из них не представляет нам так рано письменного закона, и именно спустя не более 158 лет по основании Государства Правда дана в такое время, которое весьма близко граничит с веком грубости. Христианская Вера, положившая конец в России принесению людей в жертву, введена была в 998 году, следовательно, не более, как 32 года до написания сего Закона" [4, С.337].

"Повесть" — это достоверная, по мнению Эверса, летопись, сочиненная "так, что ни в каком другом Государстве нельзя найти подобной" [4, с.12]. Кроме того, это и памятник юридической мысли (при существующем квазимнении о русской правовой ущербности эта оценка весьма показательна). "Сохранившийся в сей Летописи отечественный Закон, который носит на себе следы глубочайшей древности, и, вероятно, есть первый писанный Закон по основании Государства, — памятник, коему подобного не может представить никакое другое государство" [4, с.13].

Глубокий нравственный смысл содержится и в известном труде митрополита Илариона "Слово о законе и благодати", согласно которому "благочестие" должно быть "сопряжено с властью". "В сочинениях митрополита Илариона мы можем видеть уже вполне ясно выраженный идеал Святой Руси, имевшей огромное значение для русского религиозного сознания на протяжении многих столетий" [2, с. 7].

Русских мыслителей — идет ли речь о "великих молчальниках" и "молитвенниках" преп.Сергии Радонежском, св.Серафиме Саровском, св. Тихоне Задонском или о Вл. Соловьеве и его последователях — объединяет то, что оригинальность никогда не была для них самоцелью. "Новым словом в философии признавалось только то, что приближало человека к Истине и Добру, к Правде. Новизна же иного рода в русской духовной традиции никогда не ценилась особенно высоко. И не только в русской, конечно. Еще Платон отнес к особенностям "подлинной философии" "постоянство, верность и искренность", а тому, что такой философии более всего чуждо, дал имя "неискренней изощренности" (курсив мой. — В.Ш.). И при самом критическом отношении к русской философской мысли вряд ли можно отрицать, что первые качества ей были присущи совершенно органично, в то время как последняя черта напрочь отсутствовала" [1,с.99].

Оттого, как народы способны сохранять себя, "свое лицо" и с чем (или с кем) при этом они отождествляют себя, зависит не только духовная, но и политическая целостность, их отличие от толпы, неуправляемого скопления людей, т.е. от черни-"охлоса", подверженного в наибольшей степени влиянию "слухов", т.е. непроверенных традицией экспертных оценок (у охлоса нет традиций, поэтому он так переменчив, капризен, непредсказуем); сиюминутных и всегда ошибочных панических настроений, алармистских рецептов — недальновидных и деструктивных для истинных интересов людей. Вообще, одним из критериев истинности философии и фальсифицируемости социально-политической теории является тест на мизантропию и катастрофизм. Присутствие альтруизма — вроде бы совершенно непрактичной филантропии (кстати, эта черта — одна из главных в русской культуре) — показатель дальновидной и потому истинной практичности, полноты и эффективности теории. Учет интересов другого ("алтер" по-лат. — "другой"), даже если этот другой принадлежит к самой малой социальной, национальной, культурной, философской, религиозной общности, ориентации, позволяет, как всегда утверждали русские мыслители (историки, праведы, социологи русской либерально-консервативной философии естественного права или "государственники"), достичь согласия — главного, к чему должны стремиться государство и право.

А как следует из новейших исследований школы "интеллектуальной" истории, социологии и политологии США — учет интересов граждан, согласие с ними, "умение вовремя и без сожаления" делиться (в том числе и властью) позволяют элите сохранять не

только власть, но и саму жизнь (не говоря уже о собственности). Позволяют вовремя учитывать и оперативно решать постоянно возникающие государственные, культурные, религиозные, экономические, бытовые и прочие проблемы. Однако глубочайшее Социально-экономическое, юридическое, а также религиозно-нравственное, философское осмысление, казалось бы, простой, но на практике все еще очень сложной истины, согласно которой "разбойник — живой покойник" (в русском богословии, философии, фольклоре, например, в духовных стихах "Голубиной книги", убийство бессмысленно, так как убийца, лишая жизни другого, убивает прежде всего себя) и всякое насилие только разрушает и ничего не создает, а творит только согласие — эта истина не только всечасно, постоянно обосновывалась, но и была выстрадана именно русским народом в лице его лучших представителей.

В русской культурной традиции огромные резервы примирения, братолюбия, согласия и согласования поступков, позиций, идей больших и малых социальных общностей, политических объединений, отдельных людей. При всем кажущемся "идеализме" — это единственно возможное взаимоотношение людей, идей, государств. Любое революционное, а не эволюционное отношение к жизни — утопия так называемого здравого смысла, "суетная мудрость стада бесчисленна", к жизни никакого отношения не имеющая и отвлеченная от нее в пользу смерти. Яблоко лучше всего срывать красным, ребенка рожать через девять месяцев. Рано или поздно утопии оборачиваются тяжкими наказаниями за самонадеянность и веру в единственно верные и все разрешающие учения, слова, поступки и т.д.

Эти и подобные вопросы всегда волновали представителей русской культуры, касались их непосредственного личного духовного опыта (более или менее религиозного). Опыта, часто выражавшегося в художественной форме "умозрения в красках". Конечно, в любой культуре, экономике, политике, истории были, есть и будут те или иные девиантные явления. Но, как говорил В.С.Соловьев в "Оправдании добра", "наличие спорыньи не отменяет пшеницы". Так будем же судить о пшенице по здоровым, а не пораженным порчей колосьям, а о культуре — по вершинам духа, "ассисту", а не по низостям преступной воли плоти, сколь бы многочисленны не были последние.

П.Я.Чаадаев, например, совершенно в русле актуальнейших в сегодняшнем мировом гуманитарном сообществе проблем и методологических разработок в качестве руководствующей методы (здесь уместно сослаться на учение К.Маннгейма о "стилях мышления" и "мыслительных навыках", на схожие взгляды М.Вебера, Н.Элиаса, Р.Дж.Коллингвуда, новейшую школу историко-эволюционной эпистемологии) призывал рассматривать подобного рода внутренний опыт как "творческие приемы человеческого разума, т.е. именно те, которые было бы всего важнее изучать". Нельзя забывать и о том, что писал по этому поводу В.Н.Лосский в "Очерке мистического богословия Восточной Церкви": "Мы никогда не могли бы понять аспекта духовности какой-нибудь жизни, если бы не учитывали догматического учения, лежавшего в ее основе. Нужно принимать вещи такими, какие они есть, и не пытаться объяснить разницу духовной жизни на Западе и на Востоке причинами этнического или культурного порядка, когда речь идет о наиважнейшей причине — о различии догматическом... Не нужно также убеждать себя в том, что вопрос об исхождении Святого Духа или же вопрос о природе благодати не имеет большого значения для христианского учения в целом, якобы остающегося более или менее одинаковым и для католиков, и для православных. В таких основных догматах именно это "более или менее" важно, ибо оно придает различный уклад всему учению, представляет его в ином свете, иными словами, порождает духовную жизнь" [5, с.19,20]. Вот это "более или менее" и следует очень четко и, я бы сказал, чутко учитывать при рассмотрении русской философии и культуры.

Многие современные исследователи (как западные, так и отечественные, например, А.Валицкий, Р.Пайпс, М.Раефф, Р.Уортмэн, Э.Соловьев, А.Янов, А.Фонотов, А.Ахиезер и др.) рассматривают светско-просветительский срез проблем с точки зрения социологии

знания. Однако при этом многие ключевые вопросы остаются за пределами их научных интересов, эвристических возможностей, предлагаемых ими интерпретаций. Прежде всего проблемы, выходящие за рамки концепции "обусловленности" мысли и касающиеся анализа самих идей, данных внутреннего религиозного опыта, специфики учений, доктрин, концепций, конфессий именно с точки зрения их истории, а не социологии. И как ни странно, многие практические, житейские, "внешние", социологические проблемы культуры наилучшим образом анализируются средствами истории, понимания сути происходящего. Тогда как социология познания, ограничиваясь объяснениями, заранее составленными схемами (формации, модернизации, евразийство, коллективное сознание, социология знания, идеологии, цивилизационные подходы, "реформы-стагнации-контрреформы, геополитизм" и т.д. и т.п.), заменяет смекалку, творчество, действие на основе живого знания констатацией, схемой, инструкцией, типологией, отвлеченной прогностикой и рецептом. И если социология познания дает прекрасное пропедевтическое знание, сортирует события, систематизирует, раскладывает факты по полочкам, то выводы, оценки, рекомендации лучше всего делать на основе постижения внутренней сути идейных мотивов, обычаев, нравов, концепций, истории знания или "интеллектуальной истории".

Это очень важно отметить в связи с тем, что многие нерешенные, "неудобные" вопросы русской философии и культуры как раз и входят в то самое "более или менее" отечественной духовной жизни, которое может быть рассмотрено только исходя из нее самой. Иначе русская культура, философия становятся загадочными, парадоксальными, а иногда и просто непонятными. Кстати, слова "парадоксальный", "странный", "загадочный", "непонятный" и даже "абсурдный", "безобразный", "неправовой", "разрушительный", "необузданный", "разгульный" "беззаконный", "буйный" (мыслитель, тип культуры и др.) можно встретить очень часто, слишком часто как у академических исследователей (особенно показателен в этом плане А.Валицкий), так и у публицистов, в средствах массовой информации, — говорится ли о творчестве П.Чаадаева, К.Аксакова, К.Леонтьева, М.Бакунина и др.; или о явлениях культурно-исторического порядка, социально-политических процессах, властных структурах, народных нравах, бытовых привычках, способах хозяйствования, производственно-трудовых навыках, традициях и обычаях. При этом вопросы типа: "Как это понять, как объяснить? Что за странная это книга — русская культура?" [6, с.15] многие исследователи ставят не в начале и даже не в середине, а в самом конце своих работ.

Вместе с тем многие, на первый взгляд, "странные" вещи таковыми и останутся, если не принимать в расчет такую особенность русской культуры, как ее поэтичность. Вспомним философичность поэзии А.С.Пушкина, Ф.И.Тютчева и поэтичность философии Г.С.Сковороды, А.С.Хомякова, В.С.Соловьева. О чем это говорит? О том, что многие деятели русской культуры искали в философии не только и не столько научно-рациональное непротиворечивое объяснение сложностей жизни (поэтому, когда "поучение", притчу, коан, сонет, бурлеск, беседу анализируют средствами отвлеченного силлогизма, т.е. внешне-социологически, ничего кроме "странностей" и не получается). Искали конкретное, прочувствованное, нравственное понимание человеческой боли и страдания, борьбы добра и зла в их трагической эсхатологической полноте. А слезу силлогизмом не осушишь — для этого нужны сострадание и помощь. Искали понимание глубочайших смысловых сюжетов, казалось бы, простой истины — "человек может быть разным" ("ни Богу свечка, ни черту кочерга"), очень часто облеченное в художественно-публицистическую, поэтическую форму. Вспомним хотя бы русскую иконопись!

Видимо, знаменитое "сродство поэзии и философии" (о котором так выразительно писал один из величайших "логиков" Аристотель, поставив в "Поэтике" под сомнение свои "Аналитику" и "Топику") и состоит в обращенности мысли не только к формальным схемам, строгости, общезначимости, но и к художественно-нравственным началам, восходящим к другим основам жизнедеятельности. К сердцу, как считали русские

мыслители. Не только к познанию человека, но и к любви, дающей познанию динамичный "образ и подобие" Божие, восприятие, наполненное жизнью. Например, согласно славянофилам — это "целостность" и "самобытность". Кн. Е.Н.Трубецкой выразил эту мысль А.С.Хомякова и И.В.Киреевского так: "Раз слово, ставшее плотью, само выразило себя в человеческом языке, сочетало себя с человеческим словом и мыслью, оно тем самым освятило и то, и другое" [7,с.128].

"Поэтичность" русской культуры будет представляться то "загадочной", то "парадоксальной", а то и просто "абсурдной", как часто бывает, если не принимать в расчет традицию "духовной гигиены" человеческого общения, идущей от отцов восточного христианства, православную традицию "кардиогнозис" (сердцеведение) и "кардионостэс" (сердцеведцы) и ее русских последователей — миротворцев, великих молитвенников, сторойников "внутреннего делания" (св.Феодосий Печерский, преп.Сергий Радонежский, св.Тихон Задонский, св.Серафим Саровский и др.). Эта традиция в большинстве случаев во внимание не принимается. А зря, поскольку без анализа этого духовного направления исследователь будет постоянно прилагать к изучаемой предметной области эпитеты: "парадоксальный", "странный" и т.д. А проще говоря: "Я не знаю, о чем пишу".

Согласно интеллектуальной традиции кардиогнозиса, значимой (прямо или косвенно) для всех (именно для всех!) русских мыслителей, из истинных духовных основ и целей неизбежно вытекают не только иерархичность человеческой жизни, необходимость подчинения худших лучшим, но и сострадание, помощь сильным, богатым, умных и добродетельных слабым, бедным, глупым и грешным, а в итоге — служение всех общему закону жизни, уважение всякой человеческой личности, сердечное, братское к ней отношение. Такова "Лествица" Иоанна Лествичника. Согласно этой традиции, "свободный дух дышит, где хочет"; труд, познание, общение, культура — взаимонаправленный порыв совместных усилий, сотрудничество (букв, "сорботничество" — "синергия") и в этом смысле — доброжелательное единомыслие познающего и познаваемого, творящего и творимого, дающего и берущего, властвующего и повинующегося. Всякому испытующему жизнь даются возможность и шанс на благо. Один из основателей традиции Св.Григорий Нисский рассматривал эти вопросы в своем учении о апокатастазисе и синергии. Первый термин принадлежит Апостолу Павлу и означает постоянное и бесконечное постижение, стремление человека "к цели, к почести вышнего звания Божия во Христе Иисусе", [2, Тим. IV.7]. Слово "синергия" впервые употреблено Св.Климентом Александрийским, чтобы выразить совместное сотрудничество, содействие двух взаимосвязанных порывов: благодати и свободной человеческой воли в тяжелой работе спасения. Кстати в русской культуре Серебряного века эту традицию переводил о. С.Н.Булгаков на язык социальной конкретики "философии хозяйства" и "христианской философии". Это же подразумевал и Р.А.Орбели, говоря о жизненном мужестве и твердом социальном характере [8]. Вообще русская философия имеет здесь замечательные достижения.

Именно эту сторону русской культуры, эту традицию "духовной гигиены" человеческого общения имел в виду С.Л.Франк, когда писал о "первоосновах бытия" человека и общества. Рассматриваемая культурная традиция нашла свое ярчайшее, идущее из "Русской Правды", выражение в русской юридической практике XVII века. Одно "Соборное Уложение 1649 года" — первая Конституция о правах и обязанностях гражданина и государства друг перед другом (гл.VIII) — чего стоит! И хотя там много жестокостей: предлагалось "отдать в холопство", нещадно сечь" и "чинить наказания" не только провинившимся, и всем их домочадцам, но в то же время есть четкие и ясные регламентации по поводу "прав человека": "искупление пленных" и конкретные финансово-административные механизмы исполнения ("Полоняником на окуп збирать денги ежегод з городов сего Московского государства..."); нравственно-мировоззренческие установки, обоснованные культурной традицией и утвержденные

религиозным авторитетом: "И пророком рече Бог: Не пощади серебра человека ради. Христос же не токмо серебра, но и душу свою повелевает по братии положити. Больше бо тоя, рече, любви никто же не имать, аще кто душу свою положит по братии своей. И того ради Христова слова благочестивым царем и всем православным христианом не токмо пленных окупати, но и душу свою за них положати : достойно, да сторичныя мзды во он день сподобятся" [9, с.28].

Обусловленность культурой, культурной традицией радостного, сердечного отношения к личности (ее свободе, жизни, ЕСЛИ) — дело нешуточное, поскольку именно "культура определяет сознание". И здесь можно говорить о прямых соответствиях в быту, о традиционной русской воинской этике и боевых искусствах [10,с.298], "казачьем прикладе" и т.д.: "Сам погибай, товарища выручай", "Один волк гоняет овец полк", "Резвый сам набежит, а на смирного Бог нанесет", "Родится на смерть, умрет на живот", "Родился на смерть, не ходи же во тьму", "Ворог лют, но и казак не без доли", "Собою жить, собою и слыть", "Свита черна, да воля своя", "Ты детина, да и я не мякина", "Ты земля трясися, а мы за колья держимся", "У всякого молодца своя ухватка", "Храбр побивает и своих избавит", "От чиста сердца чисто зрят очи", "Цвет в поле, человек золе", "Удастся молодец, не надобен и дубец", "Пустая рука тую вожжу перешибает", "Правда избавляет от смерти", "Разбойник — живой покойник" и т.д.

Вспомним, как определяет Св. Григорий Нисский личность. Он считал, что каждый род существ сам себя сохраняет, в себе самом имеет достаточные силы для продолжения своего бытия потому не требует для этого уничтожения других существ.

Давайте опять обратим внимание на проявление русского массового сознания в поговорках: "Хотя бы в Орде, только бы в добре", "Христос все видит, кто кого обидит" и т.д. И вот что интересно — общность культуры (осознанная, неосознанная или 1 же отрицаемая, как у ксенофила В.С.Печерина) — это основа истинной "связи времен", единомыслия, согласия разных поколений, людей. Можно говорить о косвенных последствиях культурной традиции кардионозиса, любви; последствиях зачастую представляющихся малопонятными и даже загадочными, необъяснимыми с точки зрения тех или иных самооценок, заявлений о собственных взглядах мыслителей, пытавшихся или пытающихся порвать с традицией православного христианства. Отринуть его мистическую, прочувствованно-личностную направленность, парадигмальные установки, а проще говоря, — догматы, но продолжающих, тем не менее, работать в русле главных ее смысловых направлений.

Иначе зачем, например, рационалисту-популисту В.Г.Белинскому (или западнику — предтече марксизма — в данном случае не важно) метафизика при анализе литературы? Зачем упор на сердечное рассмотрение судеб "лишних людей", тревог литературных (и не только литературных) вместо исследования красот литературных стилей, школ и направлений в искусстве, эстетике, жанровых особенностей, литературных подходов, оборотов речи в духе Шефтсбери? Зачем это знаменитое профетическое письмо Белинского к Гоголю? Материалистическая проповедь против проповеди религиозной? Зачем материалисту Чернышевскому отстаивать человеческие особенности, отличия в виде мистических прозрений, интуиции, свойственных одним классам изначально, а другим — ну, ни при каких условиях?

Вспомним: "Благодаря своей здоровой натуре, своей суровой житейской опытности, западноевропейский простолудин в сущности понимает вещи несравненно лучше, вернее и глубже, чем люди более счастливых классов" [11, с.183]. И зачем ему Гегель? Зачем Чернышевскому эта неиссякаемая потребность в поиске значимых для его единомышленников и их убеждений своего типа праведности и праведника в лице Рахметова, служившего образцом для подражания многим поколениям революционеров? Ведь роман "Что делать?" написан по классическим правилам агиографической, т.е. "житийной" христианской литературы: рождение героя, описание его подвигов, затем

уход от мира и молитвенное накопление духовной энергии (учеба, тайная организаторская деятельность), затем опять приход в мир и новые подвиги.

Европейца-материалиста в принципе не беспокоят проблемы праведности, святости, прозрений, благодати и т.д. А зачем путешественнику, просветителю, историку сердечная забота и боль о судьбе России, выражающаяся, правда, довольно своеобразно, "странно", вся эта борьба с М.М.Сперанским и его реформами (Карамзин "мягко" упрекал великого реформатора и кодификатора законов в профранцузских настроениях...), все страстные слова о посягательствах на самобытность русской души? "Благодаря Всевышнему, — писал Карамзин, — мы еще не подпали железному скипетру сего завоевателя (Наполеона. — В.Ш.); у нас еще не Вестфалия, не Итальянское королевство, не Варшавское герцогство, где Кодекс Наполеона, со слезами переведенный, служит Уставом гражданским". Ведь сам Карамзин (как это ни "странно") проводил в своей "Истории..." "норманскую" теорию происхождения русского народа немецких ученых Байера-Шлецера-Миллера... Зачем "парадоксальному" иезуиту-католику Чаадаеву это безумно-безоглядное по сердечной искренности и открытости проповедническое служение своему пророческому предназначению, служение, в котором нет места никаким иезуитско-католическим холодно-рассудочным мысленным оговоркам" (*Reservatio mentalis*), т.е. оговоркам-уверткам, скрывающим истинные намерения проповедника?

Незачем, если не принимать в расчет, что мировоззренческая основа, идущая от восточного христианства (человек свободен в своем выборе и имеет шанс на благо со стороны божественной благодати, а также все то же положение: "свободный дух дышит, где хочет"), не всегда и не всеми декларативно разделялась (скорее, декларативно отрицалась!), но почти постоянно по-своему (иной раз чересчур своеобразно!) преломлялась и воплощалась в творчестве. Вот уж воистину: "логикам — безумие, а материалистам — соблазн!". Люди в восточнохристианской культурной традиции — "причастники Божественного естества" (2 Пет.1.4), а благодать — изливание энергий, извечно изливающихся (на всех) от Божественной сущности, а не следствие Божественной причинности (точечно-выборочной), подобной акту творения, как в западнохристианской традиции.

Что же говорить о мыслителях, сознательно работавших в рамках этой традиции? Нил Сорский в XVI веке продолжает дело Феодосия Печерского и Сергия Радонежского, говоря о "собирации ума в сердце". Традиция "задушевности" как "философии мыслящего сердца" четко представлена у Г.С.Сковороды, П.Д.Юркевича, Б.П.Вышеславцева, В.В.Зеньковского, И.А.Ильина и многих других. А возьмем, к примеру, "принцип личности" П.И.Новгородцева, тесно связанный с апокатастасисом и синергией антропологии Св.Григория Нисского. Примеров подобного рода очень много. Не земной рай, как вечная награда за употребленные ранее усилия, а неустанный труд, как долг постоянного стремления к вечно усложняющейся цели, — вот что, с этой точки зрения, должно быть задачей общественного прогресса. И именно поэтому общество держится личностью, ее подвигом, ее трудом, а не наоборот. Именно поэтому личность, ее жизнь — это абсолютная ценность, а права личности неотчуждаемы государством ни при каких условиях. Принцип личности, писал П.И.Новгородцев, "не дает какой-либо конкретной программы, на которой можно было бы успокоиться, а только намечает путь, по которому следует идти и на котором не видно конца и предела" [12, с.47,48].

Общие принципы "задушевности" русской философии, культуры "мыслящего сердца" позволяют по-новому взглянуть на творчество мыслителей, казалось бы, противоположных по своим убеждениям. В русской культуре, повторяю, — огромные резервы примирения, согласия, братолюбия и многих, и немногих, и отдельных. Скажем, популиста А.И.Писарева, решительно не хотевшего "сделаться настолько рабом какой бы то ни было идеи, чтобы отказаться для нее от своих личных интересов и страстей"; и славянофила А.С.Хомякова, желавшего "быть в степях / Один с ружьем неотразимым / С

гнедым конем неутомимым / И с серым псом при стременах". Т.е. там, где "цветет свободная земля" и "Божий мир не искажен".

Попробуем подвести некоторые итоги.

Существуют (и это, несомненно) общие принципы русской философии и культуры, свойственные в разной степени, но все же характерные для большинства ее представителей. Эти принципы основаны на благоговении перед внутренним "невидимым" миром человека в его гармонии с миром внешним — социально-политическим, природным, каким угодно. Одно не отрицает и не замещает другое. Как подчас доказывали и добивались этой гармонии — со стороны "слабых и бедных" или "сильных и благородных" — другое дело. Но "по искажениям не судят о сути доктрины, как по наличию плохих хирургов о надобности хирургии", — говорил В.С.Соловьев. Эти принципы наиболее ясно провозглашены в философии таких мыслителей, как Феодосий Печерский, Сергей Радонежский, Нил Сорский, Серафим Саровский, В.И.Несмелов, П.А.Флоренский, С.Н.Булгаков, Н.А.Бердяев, С.Л.Франк, П.И.Новгородцев и др.

Существует конкретное воплощение этих принципов в жизни, в хозяйственной практике, быту, искусстве, литературе, науке. Об этом свидетельствуют такие неистребимые начала товарищеской самоорганизации — элементы гражданского общества, которые всегда были, есть и будут в России: казачий круг, добровольные народные дружины, артели, кооперативы, "шабашники", кассы взаимопомощи, садоводческие товарищества, строительные кооперативы и даже общества акционеров-вкладчиков, хороводы-тусовки и др. А слова-обращения, да еще с ласкательными флексиями, может, формальные, чужих людей друг к другу: "дед", "отец", "мать", "сынок", "дочка" — явление совершенно уникальное, говорящее о многом. Но более показательна конкретная практика русских ученых, особенно гуманитариев, не оставляющая никаких поводов для сомнений в парадигмальном значении русской православной культуры. Прежде всего, это касается буддолога Ф.И.Щербатовского, историка-византолога Ф.И.Успенского, всего "государственного" направления в изучении русской истории (В.О.Ключевский, С.М.Соловьев, Н.И.Костомаров, В.И.Сергеевич, М.Ф.Владимирский-Буданов и др.), фольклора (А.А.Шахматов и др.). Любая теория, чтобы не быть голословной, помимо объективных широковещательных принципов должна иметь проявленный, апробированный в прикладной науке результат в виде уже имеющегося опыта решенных и решаемых проблем. И именно такие работы были в России в конце XIX — начале XX веков, где древнерусское православие, идущее от отцов восточного христианства, убеждение в абсолютной значимости человека, его жизни и свободы служили основой научного творчества, обыгрывались на конкретном материале историко-культурных и социальных (Л.П.Карсавин, П.Сорокин), экономических (А.В.Чаянов, Н.Д.Кондратьев), языковедческих (А.А.Потебня, Н.С.Трубецкой), юридических (Б.Н.Чичерин, БА.Кистяковский, П.И.Новгородцев), политических (М.Я.Острогорский) и других реалий. Приводили к открытиям мирового значения не только не устаревшим, но все более и более признаваемым. Все это говорит о том, что отечественная культурная традиция жива, а значит, живы ее носители.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сербиненко В.В. Вл.Соловьев: Запад, Восток и Россия. М., 1994.
2. Сербиненко В.В. История русской философии XI-XIX вв. М., 1994.
3. Трубецкой Е.Н. Три очерка о русской иконе (Умозрение в красках. Два мира в Древнерусской иконописи. Россия и ее икона). Новосибирск, 1991.
4. Эверс И.Ф.Г. Древнейшее русское право в историческом его раскрытии. СПб., 1833.
5. Лосский В.Н. Очерки мистического богословия Восточной Церкви. М., 1991.

6. Пивоваров Ю.С. Время Карамзина и "Записка о древней и новой России" // Карамзин Н.М. Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях. М., 1991.
7. Трубецкой Е.Н. Свет Фаворский и преображение ума // Вопр. философии. 1989. № 12.
8. Орбели Р.А. Христианская социология // Социол. исслед. 1991. № 12; 1992. № 4; 1993. № 1.
9. Соборное Уложение 1649 г. Текст. Комментарии. Л., 1987.
10. Эрн В.Ф. Сочинения. М., 1991.
11. Чернышевский Н.Г. Антропологический принцип в философии // Избранные философские сочинения. М., 1951.
12. Новгородцев П.И. Об общественном идеале. М., 1991.